

РИТУАЛ

МАРИНА и СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Иллюстрация на переплете *CaramelWitch*
Внутреннее оформление *Наннета*

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Ритуал / Марина и Сергей Дяченко. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-222233-7

Текст старой легенды гласит, что каждый дракон должен похитить и умертвить прекрасную принцессу. Конечно, если не вмешается храбрый принц. Но Арман — дракон, который пишет стихи, Юта — принцесса, которую никто не хочет спасать, а для Остина слава куда важнее некрасивой девушки. Посмеют ли они взять судьбу в свои руки или так и останутся пешками в священном ритуале?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222233-7

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

I

Сладкое пламя гортань
распирает. Будто
случайно оброненный
кубок, Земля ускользает.

Арм-Анн

Его шаги гулко отдавались в тишине, долго метались коридорами, ударяясь о невидимые в темноте стены.

Потом звук стал глуше — кожей лица он ощутил едва уловимое затхлое дуновение и ускорил шаг.

Стены расступились. Свет уже не достигал их, хотя факел горел ровно и ярко. Сводчатый потолок тоже терялся во тьме.

Он бывал здесь немыслимое число раз. Откуда же снова это навязчивое ощущение чьего-то присутствия, разве не канули в землю те, чьи имена высечены здесь, на камне?

Факел выхватил из темноты неправильной формы колонну — тяжелую, приземистую. Поверхность ее казалась покрытой сетью замысловатых кружев.

Откуда знает лист на дереве, когда вырываться из почки? Когда оборачиваться к солнцу, когда менять цвет и падать под ноги живущим? Разве самый последний лист не продолжает веточку, не продолжает ветвь, не продолжает ствол, разве самый наипоследний листочек не есть посланец корней, которые и видеть-то дано не всякому?

Он провел рукой по избороздившим камень древним письменам.

«И воззвал могущественный Сам-Ар, скликавая союзников, и был его рев подобен голосу больного неба, и были его слова горьки, как отравленная медь. Сзывал он детей своих под свое крыло, и племянников, и всех родичей, носивших огонь... И была великая битва, и пали под ударами Юкки дети его, и племянники, и родичи, исходящие пламенем... Огляделся Сам-Ар и увидел чудовищного Юкку, снова поднимающегося из воды... И сразились они, и солнце закрыло лик свой от ужаса, и звезды бежали прочь, и ветер, обожженный, ослабел и рухнул на землю... Непобедим был Сам-Ар, и одолевал уже он, но Юкка, да изведет проклятие его имя, исхитрился подло и захлестнул в петли свои Сам-Ара, и увлек в пучину, и угасил пламя его,

и обезоружил его. Так погиб могущественный Сам-Ар, и помните, потомки, чья кровь питает вас...»

Он читал с трудом — кое-где текст истерся, осыпался, хоть много веков его не касались ни солнце, ни дождь, ни ветер.

Надо решаться, подумал он устало. Все сроки прошли. Надо решаться, и то, что должно быть совершенно, да свершится.

«Чья кровь питает вас...»

Он обошел приземистую колонну кругом — на другой ее стороне высечен был рисунок — огромный, прекрасно сохранившийся: хлестали морские волны, поднималось из глубин отвратительное, вселяющее ужас чудовище, а над ним вился в небе огнедышащий дракон.

«Чья кровь питает вас...»

Надо решаться. Необходимо. Ведь это всего лишь ритуал, тягостный, но совершенно безобидный. Всего лишь ритуал.

Сквозь темноту он прошел к другой колонне, такой же массивной и бесформенной. Поднес факел, вглядываясь в знаки, символы, обрывки текстов...

«Дни... прославится... опустошает... имя Лир-Ира, сына Нур-Ара, внука... его преуспеяние в промысле».

Преуспеяние...

Обратный путь он проделал решительно, даже поспешно. Переходы замка были извест-

ны ему с колыбели, при случае он мог обойтись бы без факела — свет был необходим ему только для того, чтобы разбирать вырезанные на камне письма.

В большой и пыльной комнате, где узкое окошко нехотя цедило серый свет, он погасил факел и подошел к большому надтреснутому зеркалу.

Надо решаться.

Явился из глубин памяти сладкий цветочный запах, потемнело в глазах, тугой волной накатила тошнота, и только отчаянным усилием воли ему удалось справиться с собой.

Проклятая слабость...

Он провел рукой по тусклой зеркальной поверхности, стирая толстый слой пыли.

Из мутной глубины на него глянул узколицый темноволосый человек, невысокий, худощавый, чем-то подавленный и удрученный.

Надо решаться.

Он снова провел ладонью — зеркало засветилось изнутри. Зарябили блики, цветные пятна, появилась большая лошадиная голова, потом копыто... Колесо повозки...

Подавшись вперед и нахмурившись, он вглядывался в сменяющие друг друга картины.

Много людей, суета... Похоже, ожидается праздник... Горы шляпных коробок... Карнавал, будет шляпный карнавал. Разукрашенные башни королевского дворца... Полотер с тряпкой, повара на кухне... Портьера... За портье-

рой паж бесстыдно задирает чью-то юбку... Снова кухня... Бальный зал... Девушки... Женщины... Какой галдеж!

«Примерьте, принцесса!» — зеркало донесло приглушенный обрывок разговора.

Принцесса...

Он прищурился.

Очаровательное юное создание, светлые кудряшки, круглые голубые глаза, пышное платье цвета бирюзы...

«Дивно, принцесса!»

Чьи-то руки водрузили на белокурую головку большую бархатную шляпку, голубую, нарядную, и на верхушке ее он разглядел декоративную лодочку под парусом.

Он стиснул зубы. Помните, чья кровь питает вас.

Шестнадцатилетняя принцесса Май отступила еще на шаг, тряхнула кудряшками и счастливо рассмеялась. Довольно улыбнулся шляпных дел мастер, благосклонно кивнули две портнихи, а горничная, с трудом удерживающая большое овальное зеркало, пробормотала под нос что-то одобряющее.

Бирюзовое с серебром платье облегалo точеную фигурку принцессы мило и естественно, крохотные, расшитые драгоценностями туфельки дробно постукивали от радостного

нетерпения, сияли ясные голубые глаза в дымке тончайшей вуали, а шляпа...

Шляпных дел мастер крикнул и в который раз удовлетворенно потер руки.

Шляпка маленькой принцессы Май обещала стать настоящим событием предстоящего шляпного карнавала. Изготовленная с замечательным искусством, она изображала бурю на море — поверх широченных полей гуляли голубые бархатные волны с кружевными барашками пены на гребешках; одна волна, самая высокая, вздымалась над тульей, приподнимая рыбачью лодочку под белым накрахмаленным парусом — крохотную, не больше табакерки. В лодочке боролся со стихией фарфоровый рыбак — присмотревшись, можно было сосчитать пуговицы на его куртке, терзаемой невидимым ветром. Когда Май покачивала головой, лодочка кренилась то вправо, то влево, колыхался парус, играли блески на поверхности бархатного моря, и у всех захватывало дух от мужества фарфорового рыбака.

— Дивно, принцесса, — сказала горничная. Ее товарки — а в просторной гостиной их было видимо-невидимо — согласно закивали головами.

Маленькая Май совершенно не умела еще скрывать свои чувства — забыв, что принцессе приличествуют выдержка и достоинство, она принялась радостно и шумно кружить по комнате.

Сестра ее Вертрана, тоже принцесса, но двумя годами старше, усмехнулась снисходительно. Вертрана не уступала сестре в изяществе и миловидности, разве что кудряшки у нее были темнее, а нрав несколько серьезнее. Сейчас она примеряла восхитительное платье цвета чайной розы с маленьким бантиком на правом бедре и длинные кружевные перчатки. На шляпе ее вели хоровод веселые поселяне — но не фарфоровые, а атласные, набитые ароматическими солями и расточавшие поэтому тонкий, изысканный запах, который вряд ли свойственен настоящим танцующим крестьянам.

— Я обожаю тебя, Верта! — Май, чуть не сбив с ног снующую вокруг сестры портниху, кинулась Вертране на шею и чмокнула ее в щеку так искренне, что фарфоровый рыбак едва не опрокинулся в бархатную пучину.

— Ах, Май. — И Вертрана снова снисходительно улыбнулась.

— Я обожаю тебя, Юта! — воскликнула Май и, оставив Вертрану, обвила руками шею своей самой старшей сестры, которая примеряла платье в углу возле дверей.

Та вздрогнула и отстранилась, одарив Май вымученной улыбкой.

Платье принцессы Юты было розовым, как младенец. Оно казалось коротковатым — подол болтался высоко над землей, открывая взорам большие, чуть косолапые ступни. Юта устави-

лась в зеркало тупо и мрачно — а из зеркала на нее тупо и мрачно взирала некрасивая долго-вязая девица, которой роскошное платье шло так же, как парчовый жилет балаганной обезьянке.

— Не сутультесь, принцесса, — деловито потребовала портниха.

Юта ответила ей тяжелым взглядом.

— Шляпку, ваше высочество, — почтительно предложил шляпных дел мастер.

Юта отвернулась.

Шляпка, впрочем, была совсем неплохая — она изображала поединок дня и ночи. Со стороны ночи мерцал черный бархат, усыпанный маленькими стеклянными звездами, со стороны дня трепетал лоскутками розовый шелк, и над всем этим покачивались на ниточках золотое солнце с иголками-лучами и перламутровая пуговица-луна.

— Отвратительно, — сказала Юта.

Мастер обиженно захлопал глазами:

— Но, принцесса, это же одобренный вами эскиз! Все... все в точности...

Веселая конопатая горничная с пучком железных шпилек во рту уже крепила шляпку к жестким Ютиным волосам.

Юта метнула безнадежный взгляд в зеркало — теперь поля скрывали половину лица, коротенькая вуаль свисала с кончика острого носа, а большой тонкогубый рот под ее бахромой кривился в презрительной гримасе.

— Может, убрать вуальку? — предположила конопатая горничная.

Портниха прищурилась оценивающе, одернула подол пышного розового платья:

— Вуальку надо погуще... Совсем густую, понимаешь? И длинную, до шеи...

Смышленная горничная закивала, едва сдерживая смех. Или Юте показалось?

Снова подскочила принцесса Май, радостно всплеснула руками, принялась трогать и луну, и солнце, укололась о золотой луч, расхохоталась:

— Юта, это чудо! Как здорово, какое у тебя платье!

Маленькая Май была наивна даже для своих шестнадцати лет. Вертрана поглядывала на Юту издали, вздыхала и поправляла бантик на правом бедре.

Юта между тем вертела шляпку так и сяк, надвигала на лоб и натягивала на затылок, кусая губы и становясь от этого еще некрасивее. Горничные искоса переглядывались за ее спиной; ловя в зеркале их взгляды, она едва сдерживала злые слезы. Уродина. Как ни верти — уродина.

— Ваше высочество, — мягко начал мастер, но его дернули за рукав, и он растерянно замолк; кто-то в углу хихикнул тонко, на него зашикали сразу несколько голосов. Юта покраснела как рак.

— А ты не горбься, Юта, — издали посоветовала принцесса Вертрана. — Не грызи губы,

не морщи лоб и не кривись так — тебе не к лицу...

Сестра ее развернулась резко, как на пружине:

— Зато тебе к лицу... Тебе к лицу эта... это...

Она так и не придумала, что сказать дальше. Горничные зароптали удивленно, Юта повернулась на каблуках и выскочила из гостиной, хлопнув дверью.

Маленькая Май широко распахнула голубые глаза, которые тут же наполнились слезами.

— Зачем же... Портить себе праздник...

— И другим, между прочим, — негромко заметила Вертрана, снова поворачиваясь к зеркалу.

Три королевства существовали бок о бок вот уже невесть сколько веков, и, если верить летописям, войны между ними случались только дважды: первый раз, когда принц страны Контестарии похитил принцессу из соседней Акмалии и взял ее в жены без разрешения родителей, а спустя пару сотен лет второй раз — когда какой-то акмалийский жестящик, подвыпив в трактире, оскорбил действием вертевшуюся под ногами кошку, которая, как известно, является геральдическим зверем королевства Верхняя Конта. В остальное же время три королевства сосуществовали тихо и мирно, время от времени заключая междинастические браки, так что все три королев-

ских двора находились друг с другом в некотором родстве.

...Плескались на ветру флаги со свирепыми кошачьими мордами. Подготовка к шляпному карнавалу на какое-то время вытеснила все другие заботы. В этом году празднество устраивала Верхняя Конта, и Юта, слоняясь по дворцовым переходам, то и дело натыкалась на своего отца — король метался, спеша отдать последние распоряжения, бормоча свое любимое ругательство — горрргулья... Взмокшая, покрасневшая свита огибала Юту как нежелательное препятствие.

С минуты на минуту ожидалось прибытие августейших особ из сопредельных государств — Юте видно было из окна спальни, как впопыхах расстилаются ковровые дорожки на булыжнике дворцового двора, как выстраивается оркестр, сверкая до блеска начищенной медью. Мелькали в радостной суতোлке кудряшки Май, бирюзовое платье, шляпка со вздымающейся волной — маленькая принцесса деятельно включилась в предпраздничную суматоху.

Послonyaвшись по дворцу, постояв у книжного шкафа и повертев в руках до дыр зачитанный роман, Юта одернула злополучное розовое платье и направилась на половину матери.

В покоях королевы никого не оказалось. Открытым стоял клавесин, горкой громозди-

